

Андрей Владиславович Шацков родился в 1952 году в Москве. Действительный член Академии Российской словесности. Автор десяти поэтических книг. За цикл духовных стихотворений был удостоен ордена преподобного Сергия Радонежского от Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. Лауреат многих литературных премий. Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры за 2013 год. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Андрей Шацков
**В ТОМ ДОМЕ,
ГДЕ ГУЛЯЮТ
СКВОЗНЯКИ**

ОВСТУГ

Дмитрию Мизгулину

Когда вокруг сгустится волглый воздух
И одолеют смуты и дела,
Давай с тобой уедем в древний Овстуг,
Тот самый, за которым даль светла.

За барским домом здравницу Отчизне
Поет петух, встречая новый день...
Здесь Тютчев жил, и память этой жизни
Превозмогла веков минувших тлен.

Здесь церковь шпилем разгоняет тучи
И псы хвостом виляют у ворот.
И Федор Иоанныч — Федор Тютчев
Гостей встречает в полуоборот.

Задумчиво на памятник мессии
Глядим, не опуская строгих глаз.
Нам не прожить без тютчевской России
И ей, наверно, не прожить без нас.

Здесь далеко, за черными лесами,
Где режет облак быстрокрылый стриж,
Взбегал на холм, красуясь чудесами,
Ушедший дымом в небо город Вщиж.

История стояла у порога
Безмолвствуя, и в сутеми ночной
По Брянщине вилась его дорога
В Европы, из которых в край речной

Стремилось сердце возвратиться снова
В густые кущи ивы и берез...
И нес поэт из дальних далей слово,
И вплоть до наших дней его донес!

АПОСТОЛЫ РОССИИ

Над Бородинским полем — вечность
И два орлиных крыла!
Звезд августа густая млечность
Над спелой рожью процвела.

С утра огнем взорвутся тучи
Редутов, брызжущих свинцом.
Гвардейский юный подпоручик
Не дрогнет каменным лицом.

Серж — средний Муравьев-Апостол
В перчатках тронет коновязь...
В бою российских бед короста
Еще не режет ясных глаз.

Штыком солдат обрящет волю
Под сенью царственной руки...
В стальном каре стоят по полю
Российской гвардии полки!

Умолкли трубы ратной славы.
Свободы сны — умчались прочь.
На стогнах вековой державы
Царит удушливая ночь.

Нет, не судьба...
Любовью братской
Добыть свободу не с руки...
В каре на пощади Сенатской
Стоят мятежные полки.

Над ними — поминаньем вечным
Плывет церковью Сорокоуст.
Отсюда трактом бесконечным
Летят в метель, под снежный хруст

Фельдъегеря,
и так не просто
Развеять лютую тоску...

Серж — средний Муравьев-Апостол
На марш в Черниговском полку

Выводит роты...

В черном дыме
Не различить в полях пути.
И не Москва теперь за ними,
А холодный Питер впереди!

Куртина. Рокот барабана.
Незыблем царственный престол.
И проступает из тумана
Поспешно срубленный «Глаголь».

И рябь с утра в небесной сини.
Рябят и Колоочь, и Нева...
И носит ветер по России
Ее апостолов слова!

ВЕРНУТЬСЯ ВСПЯТЬ

Вернуться вспять — искать в былом следы,
Которые обрящутся едва ли.
Спросить у ветра, камня и воды,
Как женщину, что здесь бродила, звали.

Зарос залив осокой и кугой
До середины солнечного плеса...
Когда-то ты была совсем другой —
Зеленоглаза и светловолоса.

И не проходит до сих пор вина,
Что забываю, как душа болела,
Когда, коснувшись илистого дна,
Русалочье твое всплывало тело.

И выходило вечером на пляж
Средь шуток загорелого конвоя...
Я был другой. Я был ни ваш, ни наш:
Я жаворонком был, а не совою.

Но все равно в полет тебя позвал,
Не отрекаясь от любви химеры.
Вот только жаль, что имени не знал:
Любовь, Надежда, Софья или Вера?

БУДЕТ ОСЕНЬ

Было время соловьиной ночи
Раз хотя бы в сумрачном году.
Юных листьев, облетевших почек,
Поцелуев робких на ходу.

Было время вьюги тополиной,
Время ускользающего дня.
Серп моста, нависший над стремниной,
Помнит, как ушла ты от меня...

Будет осень...

Будет, будет, будет!
Сменят розу шальные ветра.
По утру меня дождем разбудит
Осени печальная пора.

И, под листопада каруселью,
Рыжиков собравши на пятак,
Ухнет леший, филином за елью,
Услыхав осенний гон собак...

Так случится.

Так должно случиться.
Станут в поле росы тяжелы.
Над Россией тихий свет лучится,
Осени созвездия — Стрелы...

Над строкой заветной замираю.
Реквием минувшему творю.
Только год опять несется к маю,
А душа стремится к сентябрю.

В сердце, переполненном тоскою,
Птичий клин смыкается вдали —
Там, где за Непрядвою-рекою,
Полегли от ветра ковыли.

* * *

Осенний день как поздний лист упал,
Прощается со стаями полесье.
Благословен, кто в пору не проспал
Ночное и дневное равновесье!

Еще вчера удерживал заплот
Течение реки преградой прочной.
Но грянул дождь — и завершился год
Не календарной датой, а урочной.

И грустно опускалось на поля
Воздвиженье — предтечею Введенья.
И ожидала стылая земля
На Покровá строку стихотворенья,

Которое таилось целый год
В исписанной тетради у поэта,

И процвело, пробивши тонкий лед,
И первый снег как абрис первоцвета.

Он жив в душе, тому благодаря,
Что лес стоит волшебю за дверями,
Где я тушил пожары сентября
Холодными октябрьскими дождями.

СЮЖЕТ О ЗИМНИХ МАРГАРИТКАХ

Кривая судьбы... Синусоиды дно.
В рождественских окнах горящие елки...
Я пью свою горькую кровь, как вино,
И к храму бреду в одиночестве волка.

Лишь в горле катается теплый комок,
Что нежностью был с достопамятной встречи,
Когда я впервые судьбу превозмог
И шел на свиданье — Буслаем на вече!

И первую стражу стояла зима,
Отринув бессмыслие слова — предзимье.
И ты торопилась на встречу сама —
Поземки речной осиянная синью.

И руки свои укрывала в моих
Ладонях,
от хлада морозного пара.
И все повторяла, как школьница стих:
«Мы вовсе не пара, мы вовсе не пара!»

А я и не помню, что было тогда,
Хоть память приходит больными ночами...
Мелькнули мгновенья, минули года,
Сомкнувшись, как воды, у нас за плечами.

Те зимние дни не вернуться назад,
Растаяв сугробом у самой калитки
Скрипучей,
ведущей тебя в палисад,
Где вместо снегов расцвели маргаритки.

«Цветы Богородицы» — лета привет,
Которое вовремя к нам не пришло...
Как жаль: не сложился о счастье сюжет,
Но это в России — обычное дело.

В ТОМ ДОМЕ

По дому, где гуляют сквозняки,
Где брошен якорь верности и долга,
Опять брожу без цели и без толка,
В предчувствии рождения строки...

Стучал октябрь намокшею листвою,
Бросал декабрь свой белый снег горстями
В окно, что зажигалось в старой раме
Под самой крышей в сутемь над Москвой.

Под тем окном кормили голубей.
И на прохожих лаяли собаки.
Случались свадьбы, похороны, драки...
А ты была отрадою моею!

И дом, кренясь от ветра, уплывал,
Черпая лужи стенами-бортами.
И рифмы засыхали там, в гортани,
И я тебя по шагу узнавал,

Когда в нарядном платье належке
Ты по ступеням лестницы взбегала.
И лампочка горела в полнакала,
И золотилась пыль на каблуке

Французских туфель — тех, что до утра
Лежат на пестром коврике в передней
Моей надеждой, верою последней,
Что наша жизнь печальна, но добра;

Что наши дни тревожны, но легки,
А ночи на двоих не так уж долги.
И брошен якорь верности и долга
В том доме, где гуляют сквозняки!